

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Оу Мэнлянь на тему: «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского», представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Диссертация Оу Мэнлянь на тему: «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского» показывает, что в Петербурге, во многом благодаря исследовательской и педагогической деятельности Игоря Ивановича Евлампиева, складывается традиция философской и культурологической интерпретации творчества Ф.М. Достоевского, включающая определенную методологию исследования, приоритетное внимание на некоторые сюжеты из произведений Ф.М. Достоевского и их специфическую интерпретацию. Диссертация Оу Мэнлянь является одним из частных случаев проявления этой традиции. Хотя тема исследования обозначена как «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского», диссертация выходит за пределы описания пространственных характеристик в произведениях Достоевского и затрагивает фундаментальные аспекты художественного мировоззрения писателя.

При многочисленных достоинствах диссертации, написанной, надо заметить, хорошим русским языком, что, к сожалению, уже далеко не является нормой для работ подобного рода, укажу на третью главу, в которой рассматриваются образы Америки и Швейцарии в произведениях Достоевского. Помимо содержательной ценности, эта глава, на мой взгляд, полнее всего соответствует тематике исследования. Пользуясь случаем хочу обратить внимание автора на публикации, которые могут дополнить его толкование этого сюжета, прежде всего, на статьи О.С. Овсянниковой «Образ Америки в “Дневнике писателя” и романах «великого пятикнижия» Ф. Достоевского» (2022), А.Л. Ренанского «Метафизика антиамериканизма у Ф.М. Достоевского» (2015), Т.В. Ковалевской «Ф.М. Достоевский и Америка: роман Г. Бичер-Стоу “Ольдтоунские старожилы” и вопросы кальвинистской теологии» (2020), В.Ю. Прокофьевой «Америка в поэзии Серебряного века: начало культурной концептуализации» (2020), а также более ранние статьи В.В. Носкова «Образ Америки в русской философии истории» (2002) и «“Нет, свобода не там”: славянофильский образ Америки» (2005).

Третья глава в содержательном отношении выгодно отличается от второй главы диссертации, в которой преобладают рассуждения о вере, Царстве Небесном и т.п. Религиозные вопросы, безусловно важные для Достоевского, могут рассматриваться как часть сакральной топографии писателя. Однако культурологическая диссертация не должна

перерастать в теологический трактат, в котором богословие граничит с суесловием. Экзистенциальное значение вопросов веры, даже если они верифицированы посредством творчества писателя, предполагает выход за пределы литературного текста в зыбкую область религиозных переживаний и личных откровений. Здесь уместно напомнить диссертанту высказывание Лао Цзи: «Знающий не говорит, говорящий не знает».

В порядке оппонирования хочу высказать несколько замечаний.

В гуманитарных науках, прежде всего, имеющих непосредственное отношение к диссертации (литературоведении и культурологии), достаточно широко используется понятие «хронотоп». После М.М. Бахтина, кажется, невозможно рассматривать пространство художественного произведения вне категории «хронотопа». По крайней мере, даже игнорирование его требует пояснения авторской позиции, аргументированного отказа от обращения к этому понятию. В диссертации понятие «хронотоп» встречается, скорее, случайно, хотя М.М. Бахтин несколько раз упоминается, правда, в других контекстах. Между тем применяемое М.М. Бахтина понятие указывает на принципиальную связь в художественном произведении пространства и времени. Более того, М.М. Бахтин утверждает, что «в литературе ведущим началом в хронотопе является время». Литература посредством слова упорядочивает время. Особенно это заметно в поэзии, схватывающей и структурирующей время при помощи ритма. Пространство описывается в произведении посредством слова, т. е. но задано временными отношениями. В литературе пространство, конечно, может быть просто названо, поименовано, но смысл такого пространства сингулярен, свернут в точку. Пространство же, в котором разворачивается действие произведения предъясняется посредством описания, т. е. временного акта. Пространство оказывается дано посредством длительности описания. Категория длительности связывает в литературном произведении пространство и время. По этой причине, полагаю, именно категория длительности должна была стать главным предметом исследования в диссертации.

Если непосредственно обратиться к содержанию диссертации, то о собственно пространстве в ней говорить не много. Диссертант больше внимания уделяет вопросам эволюции личности героев Достоевского, борьбе церковного христианства с «истинным христианством», в целом вопросам личной веры, проблемам социального реформирования, взаимным отношениям общества и личности и т. п. В работе, конечно, упоминаются топосы, встречающиеся в произведениях Достоевского, например, подполье, угол, хрустальный дворец, мост, мертвый дом, публичный дом, крепость, монастырь. Из них диссертант кратко останавливается только на «подполье» и «угле». Подробнее всего он пишет о стене и пустоте, правда, фактически, элиминируя их пространственные

характеристики. Так, например, пустота описывается как «душевная опустошенность», «одинокость» и т. п. Стена выступает символом границ (личных, социальных и др.), нуждающихся в преодолении. Например, «Стена символизирует единые законы мира, принося готовые правила для ленивого человека. В ней сконцентрированы качества однородного пространства» (с. 25).

О каком же все-таки пространстве идет речь в диссертации? Ключевое для понимания авторской позиции высказывание звучит следующим образом: «На фоне объективного однородного пространства особенно выделяется значение пространства индивидуального: первое заставляет людей осознать свое существование как стандартное и всеобщее, второе предлагаетместилище для мира воображения мечтателя. Не будет преувеличением сказать, что для такого человека индивидуальное пространство, созданное его мечтаниями, составляет весь смысл его существования» (с. 29). Оу Мэнлянь использует такие выражения, как «внутреннее духовное пространство», «личное духовное пространство», «своя собственная реальность, свой собственный внутренний мир» и т.п. Внутреннему пространству противопоставляется пространство внешнее, однородное, математическое. Это противопоставление оценочно окрашено, поскольку внутреннему пространству, как правило, придаются положительные смыслы, а внешнему – отрицательные. Некоторый упрощенный схематизм, вероятно, допустим в исследовании, позволяя задавать смысловую разметку текста. Однако в данном случае описываются и противопоставляются явления разного порядка. Если внешнее, т. е. физическое и социальное пространство обладают собственно пространственным измерением, то внутреннее пространство – это иносказание. Наш язык (думаю, что русский язык в этом отношении принципиально не отличается от китайского) состоит из фигур речи. Мы не всегда замечаем, как эти фигуры речи проговариваются при нашем посредстве. Не редко мы полагаем, что мыслим, хотя на самом деле это одна из метафор посредством нашей речи раскрывает себя. Мы, действительно, можем говорить о «внутреннем пространстве», но лишь в переносном смысле. Так произошло и в диссертации, где автор неосознанно развернул метафору «внутреннего пространства». Здесь выражение «внутреннее пространство» выступает синонимом «внутреннего мира», «духовного мира», «духовной жизни». Синонимия «внутреннего пространства» и «внутреннего мира» в тексте работы постоянно прорывается. Если сформулировать тематику, которой посвящена диссертация, то это внутренний мир литературных типов Достоевского. Акцент на «пространстве» только вводит в заблуждение. С равным правом можно говорить о голоде как пространстве пустого желудка (противоположное пространственное выражение обретет, соответственно, сытость), об опьянении как о пространстве измененного состояния сознания или о

мурлыкании кота у камина как о пространстве уюта и т.п. Автор, например, пишет о пространстве эпилепсии, сна, фантазии, т. е. о состояниях. Называя их пространством, мы лишь вносим не нужную путаницу в понимание как самих этих явлений, так и произведений Достоевского. Приведу для иллюстрации одну цитату: «Исследование смысла пространства в произведениях Достоевского <...> человек своими активными жизненными действиями способен придать сложный и неоднозначный смысл пространству. Речь идет о фантазии, о сопротивлении внешнему давлению и стремлении к самобытности, о поиске веры. <...> В конечном итоге он обретает способность реализовать пространство синтетическое. Таким образом, синтетическое пространство — это идеальная форма пространства, которого стремится достигнуть каждый человек» (с. 126). В тексте явно речь идет о смыслах. Зачем же их называть пространством? Если мы будем столы называть стульями, а стулья столами, то едва ли продвинемся в познании как столов, так и стульев. С горечью приходится согласиться с Б. Расселом в том, что большинство философских проблем являются всего лишь следствием не правильного употребления языка.

В диссертации меня поразило то, что автор совершенно не отдает отчета в том, что в качестве материала имеет дело с художественной прозой, даже, точнее, с психологическим романом, который имеет свои приемы, свою драматургию, средства выражения, законы жанра и т.д. В психологическом романе писатель пытается поставить себя на место другого человека (героя) и описать его чувства, переживания, мысли, т. е. все то, что мы относим к «внутреннему миру». Причем особенность нашего языка состоит в том, что он, прежде всего, ориентирован на описание внешних явлений, поэтому слова, которые мы используем для описания явлений внутренних неизбежно влекут за собой эти овнешняющие значения. Литература все же использует, преимущественно, общеупотребительную лексику, ориентируется на «живой» язык. Философия или психология как наука о душевной жизни, в отличие от литературы, могут себе позволить говорить на «птичьем» языке, на своем профессиональном жаргоне, в котором внешние характеристики минимизированы. Такой жаргон, в частности, предложила феноменология. Вероятно, можно попробовать переложить терзания героев Достоевского на язык феноменологии. Однако, боюсь, что описание переживаний литературных персонажей в терминах интенциональности, темпоральности, горизонта, интенционального коррелята, протенции и ретенции, ноэматического смысла и теперь-точки будут выглядеть как пародия на романы писателя.

В конце XIX в. в русской философии развернулась полемика о признаках чужой душевной жизни, чужого «я». А.И. Введенский, спровоцировавший эту дискуссию, обозначая точку зрения крайнего солипсизма, отмечал, что мы можем судить о чужой душе

(которая, как известно, «потемки») только по внешним признакам: речи другого человека, его жестам, поступкам и т.п. В итоге, А.И. Введенский приходил к выводу об отсутствии объективных признаков чужого одушевления и выводил отсюда свое учение о «нравственном чувстве». Мне кажется, что диссертанту было бы не бесполезно обратиться к материалам этой забытой полемики, чтобы понимать, насколько ограничены и даже мало адекватны наши средства описания внутреннего мира.

Я уже упоминал о схематизме, допустимом в известной мере в исследовании. Однако для соблюдения меры надо, во-первых, отдавать себе в этом отчет, а, во-вторых, обладать хотя бы начальными знаниями в той области, на которую распространяется схематизм. Иначе есть риск наговорить глупостей. Эту меру, к сожалению, не всегда удается соблюсти в диссертации. В качестве примера приведу рассуждения Оу Менлянь о социальном пространстве: «...общественное, синтетическое пространство, по самому своему исходному принципу является пространством однородным, фиксирующим в своей структуре не только законы природы, но и законы существования социума» (с. 128). Физическое пространство, как его мыслит нововременная наука, вероятно, можно считать гомогенным, но социальное пространство как раз неоднородно, структурировано, ценностно нагружено. Общество и культура функционируют посредством различий. Для сословного общества, в котором жил Достоевский и которое нашло отражение в его произведениях, это еще более очевидно. Если не ограничиваться делением на сословия, то можно обратить внимание, что в социальном, политическом и культурном отношении пространство делится на центр и периферию, столицу и провинцию, места памяти, сакральные и профанные топосы, элитные районы и городские трущобы и т. д. Например, многие герои Достоевского живут в Коломне – не престижном районе Петербурга, фактически на городской окраине. Социальная сегрегация находит отражение в пространстве. Интерпретационная модель, реализуемая в диссертации, опирается на ничем не обоснованную предпосылку о том, что существует «однородность форм жизни, навязываемая обществом» (с. 129). К азбучным истинам социальных наук относится положение о дифференциации любого общества, об усложнении его организации и усилении определенности его частей по мере количественного роста (членов общества, территории и т.д.). Напомню утверждение П.А. Сорокин о том, что равенство – это миф. Стратификация существует в любом обществе; в ее основе лежат как «естественные» признаки (пол, возраст), так и «изменяемые» признаки (религия, образование, уровень дохода т.д.). От принадлежности к той или иной социальной страте зависит и характер социальной жизни. Общество предлагает множество вариантов форм жизни. Какие-то из

них могут быть изменены (социальная мобильность), какие-то относятся к области социальных констант.

Выражение «социальное пространство» может пониматься буквально, отсылая к пространственным характеристикам общества, но может использоваться и в переносном смысле, как это чаще всего встречается в диссертации. В этом отношении «социальное пространство» означает «социальную жизнь». Такое словоупотребление допустимо, если помнить о его метафоричности и не возводить фигуру речи в концепцию и не делать из него далеко идущие выводы, например, о мировоззрении писателя. В качестве примера приведу одно высказывание. Оу Менлянь пишет, что «борьба против порабощения личности всеобщими и однородными формами пространства, может рассматриваться как один из главных элементов в творчестве Достоевского» (с. 159–160). Замените в этой цитате «пространство» на «социальную жизнь» и смысл предложения не изменится, даже станет более понятен. Дополнительно замечу, что и «повседневность», и «городской ландшафт», о которых речь идет в исследовании, являются частью «социального пространства»; их не следует рассматривать отдельно.

У меня нет уверенности в том, что столь масштабное перенесение метафоры «внутреннее пространство» на творчество Достоевского, как это предпринято в диссертации, является эвристичным для его познания и адекватным для его описания. Тем не менее, надеюсь, что диссертация пройдет без вреда для достоевсковедения, русской философии и даже культурологии.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Оу Мэнлянь на тему: «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского» соответствует специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета

Доктор философских наук, профессор, профессор

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'A.V. Malinov', with a large, stylized flourish on the left side.

А.В. Малинов

1 марта 2024 г.